

Гипотеза третьего цикла

Россия вступила в третий цикл своей постсоветской истории. Хотя контуры этого цикла нам еще не ясны, мы уже находимся в нем, и именно его итоги будут подводиться около 2020 года, именно его результаты сформируют облик страны около этой даты | **КИРИЛЛ РОГОВ**

Действительно, если взглянуть с высоты птичьего полета на двадцать лет истории постсоветской России, то нам прежде всего бросится в глаза наличие в ней двух периодов, отличающихся друг от друга по своим основным характеристикам, как ночь и день. Первый период приходится на 1990-е годы и может быть с полным основанием назван *трансформационным*. Главным его содержанием стали грандиозные институциональные изменения и не менее грандиозная реструктуризация экономики. Основные политические и экономические институты постсоветской России в первом своем абрисе были сформированы именно в эти годы. Вместе с тем реструктуризация экономики протекала в форме глубокого трансформационного спада (сокращение российского ВВП достигало 35–40 проц.) и сопровождалась драматическим падением уровня жизни (реальные располагаемые доходы в 1999 году составляли 46 проц. к уровню 1991-го). Еще одной характеристикой трансформационного цикла стал хронический дефицит бюджета (при отсутствии источников его покрытия). Этот показатель в действительности отражает высокий уровень политической нестабильности и слабость правительства, не способного ни удовлетворительно собирать налоги, ни противостоять давлению в пользу увеличения расходов. Довершает картину

чрезвычайно низкий уровень поддержки действующей власти и проводимой ей политики со стороны населения на большей части этого периода, а точнее — высокий уровень ее неподдержки: в качестве индикатора мы используем ответы на вопрос Левада-Центра (до 2003 года — ВЦИОМ): «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в правильном направлении, или вам кажется, что страна движется по неверному пути (события ведут нас в тупик)?»; см. рис. 1 на с. 7).

Все как будто по волшебству меняется в 1999–2000 годы. Второй период постсоветской истории с достаточным основанием может быть назван *стабилизационным*: стабилизация стала его главным лозунгом и устремлением. Этот период характеризуется постоянным и внушительным ростом ВВП (в среднем около 7 проц. в год) и впечатляющим ростом доходов населения. При этом темпы роста доходов превышали темпы роста ВВП, в то время как в 1990-е годы темпы их падения опережали темпы падения ВВП. Кроме того, этот период характеризуется устойчиво профицитным бюджетом, что свидетельствует о переломе фундаментальных политических тенденций — правительство больше не находится в осаде, а макроэкономическая стабильность является предметом консенсуса среди наиболее влиятельных элит. Улучшение экономических показателей

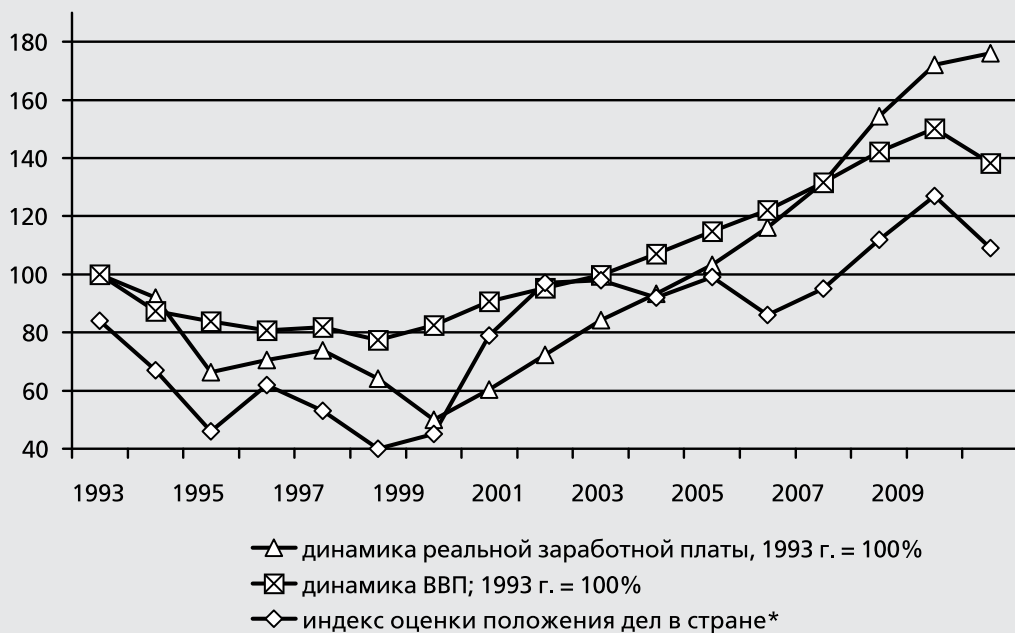
(макроэкономическая стабилизация и экономический рост) ведут к быстрому улучшению оценок положения дел в стране и вектора ее развития со стороны населения (см. рис. 1). Наконец, еще одной чертой, характеризующей этот второй, стабилизационный цикл, по общему мнению экспертов, является замедление, затухание институциональных преобразований (ср., например, динамику российских показателей в индексе трансформации Фонда Бертельсмана: по индексу состояния среди 125 развивающихся стран Россия переместилась с 41-го места в 2003 году на 65-е в 2010-м, по индексу эффективности управления — с 31-го места на 107-е¹).

Кризис 2008—2009 годов, по всей видимости, обозначил завершение этого второго цикла. Отметив разительные отличия,

почти зеркальность характеристик двух периодов, нельзя не обратить внимания и на то, что тренды, столь ярко маркировавшие второй из них, оказались сломаны или, по крайней мере, надломлены в результате кризиса. Впервые с 1998 года ВВП не вырос, а сократился, причем масштабы сокращения (–7,9 проц.) сопоставимы лишь с темпами падения экономики в 1992—1994 годы. В 2010-м Россия продемонстрирует экономический рост, однако гораздо более низких темпов, нежели это было раньше (около 3,5 проц.). Если с 2000-го по 2007 год ежегодный рост доходов населения располагался в диапазоне 9—15 проц., то в 2008—2009 годы он, хотя и был зафиксирован, но на минимальном уровне — 1,9 проц. в 2008 году и 2,3 проц. в 2009-м; в 2010 году рост доходов

Рис. 1

ДИНАМИКА РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ВВП И ОЦЕНОК ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

* Индекс оценки положения дел в стране рассчитывается как разность положительных и отрицательных ответов на вопрос Левада-Центра (до 2003 года — ВЦИОМ): «Дела движутся в правильном направлении или события ведут нас в тупик?» — плюс 100 пунктов; то есть значение меньше 100 отражает, что баланс позитивных и негативных оценок отрицательный.

составит около 4 процентов². Наконец, бюджет вновь (впервые с 1998 года) стал дефицитным, причем масштабы дефицита (5,9 проц. в 2009 году) сопоставимы с теми, которые были характерны для 1995–1997 годов. Эксперты (в том числе в российском правительстве) не ждут возвращения к прежним показателям роста экономики и доходов в близком будущем, а сбалансировать бюджет правительство надеется не ранее 2015 года. Логично предположить, что эти фундаментальные изменения базовых параметров будут иметь последствия — как это было в первом и втором цикле — в социальной и политической сфере.

Циклы и цикличность: теоретическая рамка

В 1990-е годы процессы, происходившие в постсоциалистических странах, как известно, рассматривались преимущественно в рамках транзитологической парадигмы, в представлении которой эти процессы имели заданную, известную «точку финиша», а эмпирика их протекания осмыслялась как история промежуточных стадий и различных девиаций на траектории движения к этой цели. Разочарование в этой парадигме в начале 2000-х годов было бурным (ср. известную дискуссию в *Journal of Democracy* в 2002 году), и ее непопулярность в следующем десятилетии сравнима лишь с ее популярностью в предыдущем. В отталкивании от нее, все большее распространение в отношении России и других стран СНГ приобретал взгляд, согласно которому период реформистского «возмущения», связанного с крахом социалистической экономики и советской империи, выглядит скорее результатом разбалансированности, нежели преддверием качественно нового этапа; соответственно, по мере затухания этого возмущения и восстановления равновесия политический и социальный уклад возвращается к состоянию, близкому к перво-

начальному в своих сущностных чертах³. Популярность вновь обрело представление о существовании некоего авторитарного/ тоталитарного/ патерналистского архетипа российской государственности — органической и единственной полноценно реализуемой системы властных отношений, которая может переживать периоды кризиса или упадка, но сущностно не меняется.

Впрочем, очевидная зеркальность первого и второго подходов, рассматривающих одно из двух состояний общества в качестве аномального, а другое — в качестве нормального или нормативного (модель с «якорем»), а также серия «цветных революций» на территории бывшего СССР дали импульс развитию третьему воззрению — рассуждениям о циклическом характере политической эволюции постсоветских стран⁴. Под цикличностью здесь понимается чередование периодов авторитарной консолидации и высокой нестабильности, связанное с неспособностью новых режимов добиться сбалансированного распределения власти в рамках президентской формы правления и неспособностью элит выработать конвенциональные принципы взаимодействия, отказавшись от формулы «победитель получает все». В известном смысле эта модель является репликой знаменитого описания функционирования президентской модели в латиноамериканских странах⁵. Источником цикличности является здесь собственно политический цикл (проблема «перехода власти») и сложившиеся правила взаимодействия элит.

Существует, впрочем, и более широкое, более общее толкование цикличности, которое не связано с проблематикой гибридных режимов и которое можно было бы назвать социоисторическим. Мы имеем в виду известное описание циклов американской истории, предпринятое Артуром Шлезингером-мл.⁶ В рамках этого взгляда цикличность рассматривается не как отклонение (неспособность

найти состояние равновесия, как это трактуется в предыдущем случае), но как естественная модель политической истории общества, двигающегося как бы галсами, где периоды общественной экзальтации, сосредоточенности на социальном, на рационализации общественных отношений (либерализм в американском понимании термина, либеральная фаза) сменяются периодами доминирования «частного интереса», роста социальной апатии и

мере, преждевременным и требующим специальных пояснений. И наоборот, в условиях мягкого, электорального авторитаризма, когда население включено в процедуры легитимации власти (хотя и с ограниченными правами), колебание общественного мнения между альтернативными политиками и системами приоритетов, присутствующими в общественном сознании, имеет место, несмотря даже на то, что эти альтернативные

“Вновь обрело популярность представление о существовании некоего авторитарного/тоталитарного/патерналистского архетипа российской государственности”.

предпочтения проверенных «старых» форм и сложившихся статус-кво реформам и новизне (консерватизм, консервативная фаза).

В последнее время были предприняты попытки приложить эту схему и к советско-российской истории⁷. Впрочем, механизмы влияния общественного спроса на политические практики в Советском Союзе и постсоветской России существенно различаются. Мягкий, «электоральный» авторитаризм, хотя и стремится редуцировать прямое влияние общества на правительство, в то же время весьма озабочен проблемой общественного мнения, которое он рассматривает в качестве важного ресурса сохранения власти⁸. В свою очередь, и общественное мнение в условиях подобных режимов обладает значительной автономией от власти (этим они и отличаются от тотально авторитарных — тоталитарных режимов) и склонно рассматривать свои взаимоотношения с властью как, в известном смысле, контрактные. По этим причинам распространение гипотезы цикличности в духе Шлезингера (ядром которой является как раз представление об автономности колебаний социальных настроений от инициатив политических лидеров) на советскую эпоху кажется нам, по крайней

политики могут быть очень слабо институционализированы.

Наконец, естественным и общепризнанным фактором цикличности общественного и политического развития можно считать динамику бизнес-цикла: смена экономических трендов ведет к значительным изменениям в динамике занятости и доходов и соответствующим переменам общественных настроений. Эта взаимосвязь вполне ярко проявилась в смене первого и второго циклов постсоветской истории России (вновь обратимся к рис. 1): экономическая динамика непосредственно влияет не только на оценку ситуации и проводимой экономической политики, но и играет принципиальную роль в оценке политиков, находящихся у власти⁹, а соответственно — как можно предположить — и в оценке тех политических доктрин и концептов, которые ассоциируются с этими политиками.

Впрочем, в известном смысле можно сказать, что три упомянутых понимания цикличности, по сути, обращены на три важнейшие площадки социального взаимодействия, которые в реальности связаны нитями взаимного влияния, взаимозависимости и взаимопроникновения. Макроэкономические

колебания нарушают сложившиеся формы и способы взаимодействия и сосуществования элит, способствуют пересмотру укорененных в предшествующем периоде массовых представлений; в свою очередь, сдвиги общественных настроений стимулируют политическую активность элитных групп, формируют спрос на программы, предлагающие изменение правил игры с целью переломить экономическую динамику, вокруг которых складываются новые коалиции общественного доверия и поддержки. По сути, это три вершины одного треугольника.

Ниже мы попытаемся представить взгляд на проблему циклов в постсоветской истории России в перспективе указанных трех взаимодействующих уровней: 1) эволюции преобладающих настроений в общественном мнении, 2) изменения правил взаимодействия элит и 3) смены макроэкономических трендов, оказывающих решающее влияние на представления как общества, так и элит относительно приемлемых «рецептов» общественного развития.

Третий цикл: макроэкономический аспект

Всматриваясь в различия двух первых циклов постсоветской истории России и характер перехода от одного к другому, следует сделать одно существенное замечание. Кризис 1998 года, безусловно, стал триггером этого перехода: он нанес мощный удар по финансовой олигархии и открыл дорогу политике финансовой стабилизации (макроэкономическая стабильность стала предметом достаточно широкого консенсуса), а девальвация рубля, хотя и привела к значительному снижению доходов населения, в то же время позволила правительству резко сократить накопленные обязательства, а экономике быстро перейти к фазе динамичного роста за счет удовлетворения внутреннего спроса, расширившегося в связи с сокращением импорта. Вместе с тем

переход к фазе роста не был непосредственным результатом этих изменений.

Показательно, что к экономическому росту в 1997–2000 годы перешли все без исключения страны бывшего СССР вне зависимости от проводимой ими экономической политики, структуры экономики и политической ситуации. Причина, очевидно, кроется в том, что к концу 1990-х годов был в целом завершен процесс первичной реструктуризации основных секторов экономики, имущественных отношений, а также сформирована новая система внутренних и внешних рынков, что и создало предпосылки восстановительного экономического роста¹⁰. Характерно, что и в России экономический рост был впервые зафиксирован по итогам второго полугодия 1997-го.

Можно сказать, что исход кризиса, его долгосрочные последствия (переход к политике финансовой стабилизации и начало фазы динамичного экономического роста) были предопределены в значительной мере теми экономическими условиями, которые сложились к концу 1990-х годов и которые сделали такой исход и такие последствия возможными. Иными словами, переход от первого ко второму циклу в экономическом развитии имел прежде всего структурные причины: завершение определенного этапа реструктуризации экономики, сокращение неэффективного, нереструктурированного сектора до приемлемых размеров, которые не препятствовали росту в реструктурированном секторе.

Как выглядит на этом фоне российский кризис 2008–2009 годов? Какова его структурная природа и возможные политические последствия? С самого начала кризис стал объектом острой полемики тех, кто считал его причиной преимущественно внешнее воздействие мирового финансового кризиса, и тех, кто считал такое воздействие лишь спусковым крючком для сдвигов внутреннего

пузыря. Однако совокупный эффект кризиса не оставляет, кажется, шанса сторонникам первой точки зрения. Как было подмечено, Россия продемонстрировала в 2009 году максимальные размеры снижения ВВП среди 25 крупнейших экономик мира (–7,9 проц., ближайший «конкурент» – Мексика упала на 6,5 проц.), максимальной оказалась и амплитуда перепада от предкризисного роста (8,1 проц. в 2007 году) до «дна» кризиса, которая составила –16 п.п. (ближайшие «конкуренты» – Мексика и Турция – имели перепад в 9,8 п.п. и 9,4 п.п., прочие страны – меньше 8 п.п., то есть в 2 раза меньше российского), особенно пострадавшими оказались сектора строительства и финансовых услуг, лидировала Россия и в темпах сокращения потребительского спроса. Все это совершенно определенно указывает как на общий предкризисный перегрев экономики, так и – непосредственно – на перегрев потребительского спроса¹¹.

Действительно, экономический рост в России на рубеже 1990–2000-х годов носил восстановительный характер и опирался на расширение экспорта, а также внутреннего спроса (импортозамещение). В середине 2000-х годов он был поддержан значительным притоком капитала, что позволило обеспечить опережающий рост доходов и потребительского спроса, а также быстрое расширение кредитования как предприятий, так и потребителей¹². Вместе с тем опережающий рост доходов и внутреннего спроса, поддержанные притоком капитала, вели к укреплению рубля на фоне достаточно быстрого роста внутренних цен и в результате – к быстрому расширению импорта. В итоге дальнейший рост доходов оказывал все меньшее стимулирующее влияние на промышленность. Модель роста, основанного на быстром расширении внутреннего спроса, уперлась в потолок, а финансовый кризис выдернул из-под нее подпорку в виде массивного притока капитала. Иными слова-

ми, мы имеем дело с кризисом той модели экономического роста, которая обеспечила успехи 2000-х, и, если это предположение верно, находимся в фазе нового структурного кризиса. Формы протекания этого кризиса будут, разумеется, совсем не столь драматическими, как это было в 1990-е годы, но суть остается той же: невозможность дальнейшего динамичного роста экономики без нового этапа ее структурной перестройки.

Низкие темпы роста экономики (2,5–4 проц. в год) и низкие темпы роста или стагнация реальных доходов выглядят сегодня наиболее вероятным инерционным сценарием на ближайшие годы (при достаточно благоприятной конъюнктуре сырьевых рынков). При этом правительство будет испытывать недостаток средств для одновременного стимулирования экономики и исполнения социальных обязательств, что будет выражаться в дефиците бюджета. Исчерпание возможностей прежней модели экономического роста означает не только необходимость искать новую модель, но и неизбежную коррекцию господствующих социальных настроений, оценок и ожиданий, а также возможностей и стратегий элитных групп. Эта коррекция и ее социальные и политические последствия, по нашему мнению, преимущественно и будут определять основное содержание третьего цикла постсоветской истории России.

Либеральная и консервативная фазы: российский вариант

Если вновь обратить взор к российской истории последних 20–25 лет, но теперь уже в разрезе динамики социальных ожиданий и политических предпочтений, то мы вновь увидим несколько стадий и два главных тренда.

Первый этап – конец 1980-х – начало 1990-х годов – характеризуется доминированием в общественном мнении и общественной дискуссии двух политических концептов, в основном и определявших вектор

политического развития. Первый концепт — это «реформа». Прошлое и текущее положение вещей оцениваются крайне негативно, характеризуются как «застой», «стагнация», в то время как альтернатива и желаемое будущее связываются с глубокими «реформами» во всех сферах общественной жизни. Второй важнейший тренд социальных представлений — это выбор в пользу децентрализации. Децентрализацию мы понимаем здесь предельно широко — речь идет о самостоятельности предприятий и расширении экономических и политических прав граждан, о независимости различных ветвей и институтов власти, общественных организаций и прессы. В целом под децентрализацией следует понимать идею передачи прав и полномочий от вышестоящих уровней иерархических структур к структурам более низкого уровня, идею расщепления и распределения власти между различными этапами и институтами. Предпочтения в пользу децентрализации нашли свое последовательное отражение в российской революции 1991 года и политике первого постсоветского правительства России: свободные выборы, свободная пресса, либерализация цен и экономической жизни, предоставление значительной автономии регионам, сокращение полномочий и зоны ответственности центрального правительства.

Однако на протяжении следующих пяти лет (1993–1998) нарастает разочарование в результатах движения в этом направлении и, соответственно, — в определивших это направление ключевых концептах («реформы», «рынок» и пр.). Это разочарование достигает кульминации в 1998–1999 годы (см. график 2), и в итоге предпочтения и политические доктрины, доминирующие в общественном сознании 2000-х годов, оказываются прямо противоположны тем, что были отмечены в первой стадии; точнее даже было бы сказать: формируются в

отталкивании от них. Два центральных концепта нового периода — это «стабильность» и рецентрализация, получившая в политическом языке эпохи ярлык «вертикаль власти». «Стабильность» в системе ценностей приобретает безусловный приоритет в сравнении с идеей изменений и «реформ», а последние признаются лишь в той степени, в какой они не противоречат интересам «стабильности». Именно поэтому, например, констатация населением чрезвычайно низкого качества государственных институтов не сопровождается спросом на их реформирование. Параллельно возвращение полномочий с более низких этажей социальной иерархии на более высокие неизменно встречает одобрительное или нейтральное отношение общества. Если в предыдущем цикле основной тренд состоял в стремлении к «расщеплению» власти (можно вспомнить о той значительной роли, которую играли в политической жизни наряду с исполнительной властью Дума, Конституционный суд, губернаторский корпус, независимые медиа), то теперь гарантом «стабильности» выглядит некий образ синкретической власти, оказывающей решающее влияние на большинство сфер социальной жизни. Соответственно, ценность и значимость разделения властей, автономии территорий, свободных медиа, политической конкуренции резко снижается в глазах общества.

Предпосылки второго перехода: эрозия ценностей

Глубокое разочарование в результатах политики, связанной с концептами, получившими предпочтение в общественном мнении предыдущей эпохи, стало важнейшим фактором популярности новой политической идеологии, доминировавшей в прошедшем десятилетии. Но столь же очевидно, что по мере достижения целей политики «стабили-

зации» спрос на «стабилизацию» начинает снижаться. Постепенно возвращают утраченные позиции понятия «реформы» и «рынок» (см. график 2). Анализируя динамику характеристик, которые люди давали политическому процессу на протяжении 2000-х годов, мы увидим, что в начале периода резко сокращалось число тех, кто оценивал ситуацию как «хаос, анархию» (с 54 проц. в 1997 году до 30 проц. в 2005-м), и столь же быстро росло число тех, кто оценивал ее как «развитие демократии» (с 14 проц. до 32 проц. в те же годы), однако с середины 2000-х доля оценок «хаос, анархия» продолжает интенсивно сокращаться (14 проц. в 2007 году), но доля оценок «развитие демократии» растет очень медленно (36 проц. в 2007-м), зато быстро

растет доля «затруднившихся ответить» (с 18 проц. в 2005 году до 28 проц. в 2007-м)¹³. Если на первом этапе безусловной ценностью выглядит сам по себе процесс снижения неопределенности и турбулентности, то на втором все более актуальным становится вопрос о качестве достигнутой «стабилизации» и ее перспективах. Так, для голодающего человека цена еды практически ничем не ограничена — он готов истратить на нее все имеющиеся ресурсы. Но по мере насыщения вопрос издержек на еду оказывается для него основным: главной его стратегией становится снижение цены, заплаченной за еду в первом цикле.

При том, что политические практики 2000-х последовательно следуют рецептам

Рис. 2

* Индекс поддержки рынка высчитывался из распределения ответов на вопрос Левада-Центра (до 2003 года — ВЦИОМ) об отношении к переходу к рынку: из суммы удвоенного значения доли высказавшихся за быстрый переход и значения доли высказавшихся за постепенный переход вычитается удвоенное значение доли высказавшихся против перехода и значение доли затруднившихся ответить.

** Индекс поддержки реформ высчитывался из распределения ответов на вопрос Левада-Центра (до 2003 года — ВЦИОМ) о необходимости продолжения или прекращения реформ: из удвоенного значения доли сторонников продолжения реформ вычиталось удвоенное значение противников их продолжения и значение доли затруднившихся с ответом.

«рецентрализации» и встречают в основном одобрительную реакцию населения, в динамике социальных предпочтений мы можем обнаружить улики сдвигов в противоположном направлении. Так, например, уровень поддержки многопартийности в конце 1990-х — начале 2000-х составлял примерно 40–45 проц. от числа опрошенных, в то время как 40–48 проц. не поддерживали многопартийность. В 2007–2008 годы доля первых выросла до 53 проц., в то время как вторая точка зрения медленно теряла в популярности (36–38 проц.), а в 2009–2010 годы

концепта выглядит во второй половине 2000-х уже не столь безусловной, как на рубеже 1990–2000-х годов. При ответе на вопрос «Что важнее, порядок или права человека?» в 1997 году распределение ответов в пользу порядка составило 60:27, в конце 2000-х в этой альтернативе сторонниками порядка выступают чуть более 50 проц., в то время как сторонниками прав человека — около 40 процентов. Наконец, поставленные перед предельно жестким выбором между демократией, ассоциированной с «беспорядком», и порядком, ассоциированным с подавлением

“Само понятие «политическая оппозиция» имеет весьма низкий авторитет; вместе с тем спрос на некоторую альтернативу монополии «синкретической» власти растет”.

произошел качественный скачок: доля поддерживающих многопартийность выросла до 68 проц., в то время как доля противников упала до 21 процента. Это тем более примечательно, что в официальной политической риторике второй половины 2000-х все настойчивее пропагандируется идея «доминирующей партии»¹⁴. Аналогичная динамика наблюдается и в ответах на вопрос «Нужны ли сильные оппозиционные партии, способные оказывать влияние на власть?»: в 1990-е годы и начале 2000-х положительные ответы располагались в диапазоне 56–60 проц., отрицательные — 20–24 проц., в конце 2000-х диапазон положительных ответов составил 66–71 проц., а отрицательных — 16–20 процентов. Следует оговориться, что институты политической конкуренции и, соответственно, само понятие «политическая оппозиция» имеют, согласно данным опросов, весьма низкий авторитет; вместе с тем спрос на некоторую альтернативу монополии «синкретической» власти растет.

Схожую динамику можно обнаружить и в оценке понятия «порядок». Ценность этого

свобод, респонденты на рубеже 1990–2000-х годов совершали выбор в пользу порядка в соотношении 75–80 проц. сторонников безусловного порядка против 9–11 проц. стойких сторонников демократии, в конце 2000-х первая группа составляет 60–70 проц., в то время как доля безусловных сторонников демократии составила около 20 процентов.

Даже из этих данных видно, впрочем, что речь пока идет не о решительном изменении, но об определенном смещении тренда; можно указать на ряд других опросов, определенно свидетельствующих об огромном влиянии патерналистских моделей в общественном мнении (следует помнить, что идеологический и политический плюрализм в наиболее массовых российских медиа серьезно ограничен цензурой, общество в значительной степени отрезано от аргументации сторонников децентрализации и политического плюрализма). Вместе с тем приведенные данные, на наш взгляд, достаточно убедительно демонстрируют, что представление о том благе, которое несет с собой централизм и «синкретическая» власть, пробле-

материализуется в общественном мнении; выбор в пользу соответствующих моделей теряет свою энергию и однозначность, а логика централизации выглядит в значительной мере исчерпанной и вероятность консолидации под новыми «знаменами» увеличивается на глазах.

При этом популярность политического концепта «централизации» на протяжении 2000-х годов поддерживалась не только отталкиванием от предшествующего опыта, но также стабильным и быстрым ростом экономики и доходов. Последние в результате выглядели прямым следствием первого. Кризис 2008–2009 годов разорвал причинно-следственную связь этих процессов и продемонстрировал, что централизация («вертикализация») власти не является сама по себе двигателем роста экономики и доходов. Не меньшее влияние резкое замедление роста экономики и доходов может оказать и на оценку в массовом восприятии концепта «стабильность». «Стабильность» выглядит безусловной ценностью в фазе выхода общества из периода высокой неопределенности и в периоде позитивной экономической динамики, в последнем случае «стабильность» означает «стабильность позитивных изменений». Когда и тот и другой факторы перестают действовать, на фоне низких или отрицательных темпов роста доходов, «стабильность» все более и неизбежно будет «менять окраску» в восприятии общества и все более осмысляться как «стагнация».

В данном случае мы хотели не столько подправить картину социальных настроений россиян в конце 2000-х, сколько указать на значительную контекстуальную обусловленность предпочтений, отдаваемых в конкретном историческом периоде той или иной политической парадигме. Россияне в массе своей ни в коей мере не являлись убежденными демократами на рубеже 1980–1990-х годов, но вряд ли также являются рожден-

ными сторонниками идеи «твердой руки» и централизма сегодня. Меняющиеся параметры социального и экономического контекста (наличие/отсутствие нестабильности и наличие/отсутствие экономического роста) ведут к смещению и смене доминирующих политических предпочтений, «перевзвешиванию» ценности тех или иных социально-политических доктрин и в конечном счете к формированию альтернативной повестки и конкурирующей системы ценностей.

Элиты: «навязанный консенсус» и публичное соревнование

Влияние экономической динамики на политические тренды происходит преимущественно по двум взаимодействующим каналам: с одной стороны, меняется социальное самочувствие населения и, соответственно, его оценки и предпочтения, с другой стороны, экономическая динамика влияет на настроения и стратегии элитных групп, обладающих ресурсами для защиты своих экономических интересов. Как известно, именно расколы в элитах, спроецированные на массовые ожидания, формируют политические размежевания и ведут к возникновению политической конкуренции (таково общее правило модели политической конкуренции по Шумпетеру).

Чтобы оценить траектории возможных изменений в плоскости межэлитных взаимодействий, нам вновь придется прибегнуть к ретроспекции. И здесь мы вновь обнаружим два периода, отмеченные противоположными тенденциями. Во второй половине 1990-х годов в России складывается система, в рамках которой обладающие ресурсами элитные группы могут формировать свои политические «представительства» и соответствующую политическую инфраструктуру (медиа, партии, общественные организации), чтобы консолидировать общественную поддержку и использовать ее в конкуренции

с другими элитными группами в борьбе за ресурсы и полномочия. Это происходит как на федеральной политической сцене, так и на региональных сценах, в том числе в крупных городах, где экономическая дифференциация элит находится на должном уровне¹⁵. В 2000-е годы формируется противоположная система: именно отказ элитных групп от претензий на политическое представительство, их отказ от апелляции к населению в борьбе за свои интересы («отказ от политики») становится условием сохранения за ними ресурсов и полномочий. У тех, кто пытается использовать политические рычаги, то есть мобилизовать общественную поддержку, ресурсы, позволяющие это сделать, отбираются. Это объясняет, почему империи одних олигархов были тотально разрушены Кремлем, а другие имели возможность не только сохранить, но и укрепить свои позиции.

Эту новую ситуацию, составляющую один из фундаментов «путинской системы», мы предложили называть в применении к российским условиям «навязанным консенсусом»¹⁶. Такой консенсус опирается на способность доминирующего игрока, располагающего ограниченными силовыми ресурсами, блокировать политизацию межэлитных конфликтов и трансляцию их в публичную сферу с помощью кнута и пряника¹⁷. Однако этот «консенсус» сформировался и поддерживался в ситуации постоянного роста экономики и доходов, что значительно снижало остроту конфликтов: выбор в пользу конфронтации выглядел не рациональным, так как сохранение статус-кво или даже некоторый проигрыш в условиях растущей экономики является значительно более привлекательным результатом, нежели перспектива лишиться «места на рынке». Новая экономическая ситуация, стагнация доходов и экономики в целом, скорее всего, приведет к распаду этой системы. Пока рынок растет, в центре игры — раздел дополнительных доходов, а

в выигрыше — большинство участников; на стагнирующем рынке игрокам нечего делить, кроме имеющихся у них ресурсов, и любой выигрыш — это чей-то проигрыш; наконец, на сокращающемся рынке игра сводится к борьбе за перераспределение убытков, и проигравших всегда больше, чем победителей. Кроме того, в фазе роста население склонно благожелательно относиться к действующей власти и сложившимся статус-кво, что снижает потенциальную эффективность апелляции к нему недовольных элитных групп, и наоборот — в фазе стагнации или сокращения доходов отношение населения к сложившимся правилам и иерархиям становится более критичным, и, соответственно, эффективность действий ущемленных элитных групп в публичной сфере возрастает.

Итак, в фазе стагнации или слабого роста экономики совокупное действие перечисленных факторов будет способствовать разрушению системы «навязанного консенсуса» и стремлению элит вернуться к практике публичного состязания посредством политизации межэлитных конфликтов (одну из «первых ласточек» такого рода можно усмотреть в конфликте вокруг отставки мэра Москвы). В свою очередь, публичная конкуренция элит будет стимулировать поляризацию в общественном мнении и формирование групп поддержки новых политических фракций и выдвигаемых ими политических концептов на фоне постепенного разочарования в таких ценностях, как «стабильность» и рецентрализация, тем более что «негативный контекст» 1990-х, обеспечивший им популярность в 2000-е, становится все менее актуален.

Отложенные» проблемы и эффект «слабого» роста

В известной мере российский кризис 2008–2009 годов и предстоящую фазу российской истории уместно воспринимать в

проекции кризисов южноазиатских стран конца 1990-х. Быстрый рост в развивающихся странах нередко позволяет обществу и правящим группам игнорировать неоконченность трансформационных преобразований, отодвигает на задний план проблему плохих институтов. Экономический рост идет рука об руку с ростом коррупции, которая в известном периоде выглядит даже стимулирующим фактором — помогает преодолевать институциональные барьеры, способствует ускоренной концентрации капиталов, позволяет перераспределять общественные

оказываются неприемлемыми для сохранения социальной стабильности в развивающихся странах со слабой институциональной средой. При характерном для российской экономики распределении доходов (около 50 проц. всех доходов приходится на 20-процентную группу наиболее обеспеченных граждан) для большинства населения низкие темпы роста не смогут обеспечить ощутимой прибавки в доходах и будут выглядеть как стагнация. Вопрос о справедливости распределения доходов от экономического роста в этой ситуации выдвигается в центр повестки

“На сокращающемся рынке игра сводится к борьбе за перераспределение убытков, и проигравших всегда больше, чем победителей”.

издержки, использовать «купленные» преимущества для прорыва на новые рынки (классическим примером этого рода считается Южная Корея 1980—1990 годов). Негативные эффекты коррупции выглядят «допустимым злом» на фоне очевидных успехов экономики и быстрого роста доходов наиболее активных социальных слоев и групп. Однако замедление роста или его прекращение коренным образом меняет ситуацию: институциональные проблемы вновь оказываются в центре общественного внимания, коррупция и принципы «дружеского капитализма» (в российском варианте правильнее говорить о «кланово-бюрократическом» капитализме) превращаются в главный социальный раздражитель.

Накопленные резервы позволили российскому правительству смягчить непосредственные финансовые и социальные последствия кризиса 2008—2009 годов, однако окончательным выходом из него можно считать лишь возвращение к высоким темпам роста экономики. Низкие темпы роста, вполне удовлетворительные для развитых стран,

а попытки «баронов рынка» перераспределить издержки, связанные с ухудшением конъюнктуры, приводят к резкому росту недовольства.

Итак, если замедление роста экономики и доходов ведет к актуализации «спящих проблем», то какие болевые точки могут оказаться в центре общественного внимания и консолидировать недовольство? Прежде всего, как уже было сказано, в фокусе общественного внимания должны оказаться коррупция и принципы «кланово-бюрократического» капитализма. Возвращение России к периоду открытых политических противостояний и массовой политизации с высокой долей вероятности будет проходить под лозунгами, связанными с понятием «справедливости». Спрос на демократию в России на рубеже 1980—1990-х годов был связан с желанием освободиться от тотального контроля, обрести большие права и свободы, в том числе свободу предпринимательства, обрести независимость от государства и авторитета власти. Новый спрос на демократию может оказаться существенно иным по своему

содержанию: весьма вероятно, что он будет подразумевать стремление добиться более справедливого распределения доходов, большего равноправия в возможностях, большего контроля над государством со стороны общества. В этом смысле весьма вероятно, что по своему содержанию и духу он окажется гораздо более левым, нежели тот, что имел место 20 лет назад. Однако именно выход на политическую арену «массовых интересов» способен предотвратить повторение ситуации конца 1990-х, когда преимущества демократии и публичной конкуренции оказались

последовательно защищающая новый порядок, поддерживается лишь 25–30 проц. населения. Это распределение ответов характерно, впрочем, при постановке общеполитического вопроса («какая система вам кажется лучшей?»), когда же людей спрашивают, хотят ли они, чтобы их губернатор или мэр избирался населением или был назначен вышестоящей инстанцией, число сторонников прямых выборов (во всяком случае, в крупных городах) вырастает до 75–80 проц., в то время как число сторонников назначения сокращается до 8–15 процентов¹⁸.

“Весьма вероятно, что по своему содержанию и духу **новый спрос на демократию окажется гораздо более левым, нежели тот, что имел место 20 лет назад”.**

в значительной степени приватизированы ведущими элитными группами.

Второй важнейшей и наиболее вероятной линией развития новых политических конфликтов представляется оппозиция «центра» и «регионов». Регионализм как фактор российской политики, заявивший о себе во второй половине 1990-х годов, обладает мощнейшим потенциалом; попытка купировать, сдерживать этот фактор, фактически лишив регионы политического представительства, предпринятая в 2000-е годы, может носить исключительно временный характер и вызвать в перспективе эффект «отдачи». Весьма характерно, что вопрос о фактической самостоятельности регионов — один из немногих политических вопросов (вероятно, единственный), в которых даже в конце 2000-х годов мнение большинства населения кардинально расходилось с мнением центральной власти и лично Владимира Путина. Так, на протяжении второй половины 2000-х в пользу возвращения к выборности глав регионов высказывалось 60–65 проц. опрошенных, в то время как официальная пози-

Очевидно, что в такой ситуации вопрос о выборности губернаторов вернется в политическую повестку дня при первых же существенных признаках ослабления центральной власти; более того, именно этот вопрос выглядит идеальным фокусом консолидации протестных настроений и пассивного недовольства, а также точкой пересечения интересов региональных элит и разочарованного в эффективности экономической политики центрального правительства населения.

Внутрирегиональные конфликты, то есть конфликты между назначенцами-губернаторами и местными элитами, несут в себе наибольший потенциал политизации общества, связывая воедино региональную (локальную) и федеральную политическую сцены. Это хорошо было заметно на примере событий в Калининграде в начале 2010 года. Конфликт части региональной элиты с назначенным из Москвы губернатором Георгием Боосом привел к массовому митингу, на котором звучали требования отставки премьера Путина. В этой ситуации вполне ярко проявились те политические риски, которые несут

назначенные губернаторы для центрального правительства в условиях ухудшения экономической ситуации: даже сугубо внутрирегиональный конфликт приобретает здесь характер противостояния региона Центру и вызывает эскалацию недоверия политике федерального правительства в целом.

Можно перечислить и ряд других болевых точек, способных генерировать конфликты с широкими последствиями. Назовем еще лишь одну: вероятность кризиса корпоративного управления в крупнейших компаниях (вне зависимости от того, является ли основным акционером государство или частные лица). Влияние номинальных собственников на деятельность таких компаний в последние годы ослабевало, а влияние менеджмента росло, в то время как механизмы независимого контроля были выстроены плохо¹⁹. Благоприятная конъюнктура позволяла этим компаниям существовать в состоянии постоянной экспансии, опиравшейся как на политическую поддержку правительства, так и на высокую доступность внешнего финансирования. В результате компании жили фактически в условиях мягких бюджетных ограничений, оправдывая их надеждами на будущие прибыли. Изменения внешних условий в совокупности с сокращением спроса может привести к резкому ухудшению их финансового положения, а накопленное политическое влияние — к попыткам переложить свои проблемы на чужие плечи. При этом стоит иметь в виду, что эти компании сегодня выступают в роли «кошельков» центральной власти, оплачивающих политическую инфраструктуру «электорального авторитаризма». В этой ситуации конфликт интересов разных уровней управления компаний может быстро перекинуться в «политику», вызвав эрозию этой инфраструктуры.

Впрочем, в данном случае важны не столько конкретные точки бифуркации, которые история до времени будет хранить от нас в

тайне, но системные причины, способные их вызывать. По окончании фазы восстановительного роста и периода перегрева, связанного со значительным притоком внешнего капитала, в условиях более «трудного роста» и — соответственно — более низких его темпов, методы «ручного управления» и чрезмерная централизация будут обнаруживать свою растущую неэффективность. В условиях «трудного роста» экономике необходимо будет сбросить балласт, казавшийся не столь тяжелым в периоде «легкого роста» и становящийся все более критическим в новых условиях. Политика «стабильности» и сохранения статус-кво все более будет превращаться в политику «защиты балласта».

Заключение. Базовый сценарий: возвращение вперед

Если концептуализировать теоретическую рамку наших интуиций, связанных с предстоящим десятилетием, то стоит обратить внимание, что обычно под инерционным сценарием в прогнозировании подразумевается линейная пролонгация существующих трендов. Наша попытка рассматривать предстоящий период в контексте двух предыдущих циклов — «трансформация» и «стабилизация» — позволяет несколько иначе подойти к вопросу. Переход от первого ко второму циклу выглядит как весьма резкий и глубокий разворот и экономических, и социальных трендов, как радикальное отталкивание от предшествующего периода. В свою очередь, логика экономических процессов, равно как и логика общественных ожиданий и предпочтений, общая «повестка» второго цикла выглядят к настоящему моменту в значительной мере исчерпанными. В связи с этим в качестве инерционного сценария для 2010-х годов мы предполагаем некое общее реверсивное движение, частичный возврат на новом уровне к предпочтениям и проблематике 1990-х. Период бурного эконо-

мического роста 2000-х годов был периодом, возвращаясь к терминологии Шлезингера, преимущественно «частного интереса», соседствовавшего с консервативным скепсисом большинства в отношении возможности и необходимости социальных и институциональных изменений. Отсутствие легких рецептов экономического роста с большой вероятностью заставит общество вновь обратиться к поиску решений в институциональной и социальной сфере.

Второй особенностью нашего анализа является предположение, что ухудшение экономической динамики будет оказывать влияние не только на население, но и (причем в первую очередь!) на элиты, связанные сегодня правилами «навязанного консенсуса». Это означает, что диффузия сложившейся политической системы может происходить на фоне экономической динамики, которая вовсе не выглядит на первый взгляд как кризисная. Сформировавшаяся сегодня в России система политических и экономических взаимодействий очень молода, создавалась «с колес» и в условиях крайне благоприятной конъюнктуры. Ее способность адаптироваться к иным экономическим условиям неизвестна, а импульсы, способствовавшие ее формированию, выглядят в значительной степени растраченными.

Итак, перечислим основные наши выводы и предположения:

- реакция на преобразования начала 1990-х годов, накапливавшаяся в общественном мнении на протяжении 1993—1998 годов, дала импульс движению в противоположном этим преобразованиям направлении (рецентрализация вместо децентрализации, стабильность вместо реформ);
- быстрому утверждению новых политических практик, отвечавших ценностям «порядка», «стабильности» и «рецентра-

лизации», оказал значительную поддержку экономический рост 2000-х;

- вместе с тем в общественном мнении энергия выбора в пользу ценностей, отразившихся в этих практиках, постепенно затухает, актуальность этого выбора снижается, возникают признаки спроса на большую сбалансированность политических механизмов;
- исчерпание источников внешнего стимулирования экономического роста приведет к структурному кризису: неэффективные сектора экономики будут сдерживать рост и «отсасывать» ограниченные ресурсы, обескровливая эффективные сектора;
- кризис и последующее длительное замедление или остановка роста будут стимулировать спрос на альтернативные модели политического устройства и социальной организации, идея «централизации» будет быстро, а идея «стабильности» более медленно терять ценность в глазах общества;
- ухудшение экономической конъюнктуры приведет к эрозии и распаду режима «навязанного консенсуса» в отношении элит, игравшего ключевую роль в обеспечении мягкого электорального авторитаризма, межэлитные конфликты вновь начнут выплескиваться в публичную сферу, стимулируя распад идеологического консенсуса вокруг доктрин «стабилизации» и рецентрализации.

На наш взгляд, это инерционный базисный сценарий, который вряд ли может быть изменен локальными усилиями внутренних игроков, например — ужесточением цензуры и политического контроля, давлением на оппозицию, дальнейшей централизацией механизмов управления. Такие меры (а вероятность обращения к ним в ближайшее время представляется достаточно высокой) на фоне слабой экономической конъюнктуры либо не будут давать никакого эффекта, либо приведут лишь к эскалации базовых противоречий

между старыми политическими и управленческими практиками и новым общественным спросом. Как это бывает в фазе «заката» политического тренда, против него будут «играть» даже случайные события – природные и техногенные катаклизмы (вроде пожаров этим летом). Новые потрясения на сырьевых рынках способны быстро свернуть сценарий к формату кризисного.

Для изменения же базового сценария понадобятся события, способные вновь развернуть общество в сторону поддержки мобили-

зационной повестки. В 1990-е годы роль внешнего стимула, обеспечивавшего поддержку такой повестки, играла война на Кавказе. Впрочем, новые потрясения на этом направлении одновременно нанесут тяжелый удар по репутации Путина, окончательно лишат его роли «гаранта стабильности», эффект нового катаклизма может оказаться скорее похожим на эффект первой войны, а не второй, и привести к быстрому падению «рейтинга» и снижению лояльности со стороны госаппарата и элит. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ ВТИ – Bertelsmann Transformation Index (<http://www.bertelsmann-transformation-index.de>).

² По итогам девяти месяцев 2010 года рост реальных доходов составил 4,8 проц. к соответствующему периоду прошлого года, но ускорение инфляции с августа 2010-го и эффект базы (рост доходов в IV квартале 2009 года) приведет к сокращению этой цифры по итогам года. Следует также иметь в виду, что на статистику доходов повлияла валоризация пенсий в начале года (рост доходов в январе 2010 года составил 15,3 проц. к январю 2009-го), то есть однократное событие, которое не повторится в следующем периоде.

³ Одним из остроумных развитий этого взгляда стала концепция «конкурентного авторитаризма»: период демократизации в СССР рассматривается как следствие разрушения существовавшей иерархии, спровоцировавшего открытую конкуренцию элит за доминирование, каковая завершается тем, что захватившая доминирующие позиции элита приступает к консолидации на основе восстановления традиционных иерархий, притом что качественных изменений в системе не происходит. См.: *Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. Vol. 13. No. 2. Apr. 2002. P. 51–65.*

⁴ См., например: *Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. Vol. 58. No 1. Oct. 2005. P. 133–165.*

⁵ *O'Donnell G. Delegative Democracy // Journal of Democracy. 1994. No 5 (1).*

⁶ *Schlesinger A.M. The cycles of American history. Boston: Houghton Mifflin, 1986.*

⁷ *Breslauer G.W. Reflections on Patterns of Leadership in Soviet and Post-Soviet [Russian] History // Post-Soviet Affairs. 2010. Vol. 26. No 3. P. 263–274.*

⁸ В терминах Роберта Даля такой режим следует трактовать как «инклюзивную гегемонию». См.: *Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. Yale University Press, 1972; о понятии «электоральный авторитаризм» см.: Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition // A. Schedler (ed.). Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006.*

⁹ См. подробнее: *Treisman D. Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin // American Journal of Political Science, forthcoming, 2011.*

¹⁰ *Гайдар Е.Т. Долгое время: Россия в мире: Очерки экономической истории. М., 2005. С. 399–409.*

¹¹ Подробно эту аргументацию см.: *Смирнов С. Факторы циклической узависимости российской экономики // Вопросы экономики. 2010. № 6.*

¹² См., например, об этом: *Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России: Экономический рост 2000–2007 / Под ред. Е.Т. Гайдара и др. М.: Дело, 2008.*

¹³ Здесь и далее используются опросы Левада-Центра (до 2003 года – ВЦИОМ); данные взяты из «Единого архива экономических и социологических данных» (<http://sophist.hse.ru/>).

¹⁴ Данные получены из распределения ответов на вопрос Левада-Центра «Сколько политических партий необходимо сейчас России?»; сумма ответов «одна сильная правящая партия» и «политические партии вообще не нужны» дает долю противников многопартийности, в то время как сумма выбравших варианты «две или три большие партии» и «много относительно небольших партий» дают долю сторонников многопартийности. Надо отметить, что резкий слом обеспечен именно быстрым снижением поддержки идеи «правлящей партии»: в 2006–2008 годы эту идею поддерживали 28–32 проц. опрошенных, а в 2009–2010 годы – 17–18 процентов.

¹⁵ О роли «расколов» в формировании политических режимов российских регионов см.: *Гельман В.* Политические режимы переходного периода: российские регионы в сравнительной перспективе // Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте. М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 2000.

¹⁶ Подробнее см.: *Рогов К.* Демократия-2010: Прошлое и будущее плюрализма в России // *Pro et Contra*. Т. 13. 2009. № 5–6. Сент.–дек.

¹⁷ О понятии «навязанный консенсус» в применении к России см.: *Гельман В.* Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Второй электоральный цикл в России: 1999–2000 гг. / Под ред. В.Я. Гельмана, Г.В. Голосова, Е.Ю. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2002), где, впрочем, речь идет о выборном цикле 1999–2000 годов; наше использование термина несколько отличается от интерпретации, предложенной в этой пионерской работе.

¹⁸ См. опросы Левада-Центра в Москве и Перми в 2010 году (www.levada.ru).

¹⁹ Особой проблемой станет и то, что частные контролирующие акционеры (там, где они есть) обнаруживают для себя, что не смогут передать свои империи по наследству, что, вероятно, приведет к изменению их мотиваций и стратегий.